

мократический блок – как он называется – до сих пор остается инициатором, движущей силой и организатором этого путешествия.

Выводы. Убитый Премьер-Министр Сербии Зоран Джинджич обозначил прорыв в политической жизни после Милошевича. Этот прорыв так же проявился через использование новых политических метафор. В фокус данной работы вошли функции некоторых из данных метафор, способствовавших концептуализации Сербии, Европы и отношений между ними.

Метафоры, использованные Джинджичем, также способствовали созданию групп “чужих” – “своих” посредством референциальных и оценивающих стратегий. Группа “своих” (включая Демократическую Партию и самого Джинджича) отождествляется с демократичной, динамичной, современной Западной Европой, тогда как группа “чужих” характеризуется как медлительный, недемократичный, старомодный Восток. Так как Сербия содержит в себе элементы, принадлежащие как первой, так и второй группам, она метафорически концептуализирована как больной человек. Устранение элементов группы “чужих”, ассоциируемых с Востоком, ведет к выздоровлению Сербии и создает предпосылки для ее пути к демократии, т.е. в Европу. Таким образом, Сербия движется, а Европа неподвижна. Европа концептуализирована как цель, и Сербия идет к этой цели. Стратегии оценки, использованные Джинджичем, служили маркером позитивного движения в сторону Запада. Политические изменения концептуализированы как движение вперед, и вступление в Евросоюз представлено единственным способом выживания и успеха Сербии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric; The Persuasive Power of Metaphor - Basingstoke/New York: Palgrave Macmillan, 2006.

Chilton, P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. - London: Routledge, 2004.

Givón, T. Context as Other Minds; The Pragmatics of Sociality, Cognition and Communication. - Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005.

Hart C. Containers, conceptual blends and discourse space in immigration metaphors: referential and evaluative strategies, paper given at CADAAD, University of East Anglia <http://www.cadaad.org/files/WebBook%20of%20Abstracts.doc> – 2006.

Ivanović Ž. (ed.) Put Srbije u Evropu, Dr Zoran

Đinđić - Beograd: Trag, Drašlar partner, 2005.

Klikovac D. Metafore u mišljenju i jeziku - Beograd: XX vek, 2004.

Kövecses Z. Metaphor, a Practical Introduction - Oxford: Oxford University Press, 2002.

Lakoff G. Metaphor in Politics: an Open Letter to the Internet from George Lakoff. <http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/lakoff-1.htm>, accessed 8.12.1996.

Lakoff G. and Johnson M. Metaphors We Live By - Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Musolff A. Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates about Europe - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Skrozza T. Političko nasledstvo Zorana Đinđića // Vreme, 15.3.2007. P. 12-18.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Историческая динамика политической метафоры // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика, выпуск 19, 2006. С. 50-61.

© Фелберг Т., 2007

© Аникин Е. Е. (перевод), 2007

Шейгал Е. И.

Волгоград, Россия

МНОГОЛИКИЙ НАРРАТИВ

(Исследование осуществлялось при поддержке Образовательного фонда Американской ассоциации женщин – университетских преподавателей (American Association of University Women Educational Foundation)).

Abstract

The paper aims to present the analysis of usage and to reveal the variety of meanings of the term «narrative» in the British and American political discourse. This allowed to specify the structure, types and functions of narrative. The author concludes that in the contemporary British and American political discourse the term «narrative» retaining its semantic connections with the original meaning «a story, a description of events» acquires a variety of new meanings: «a motto, a concept, an idea, a doctrine, an explanation, a version, a myth, a stereotype».

Для политического дискурса характерно наличие смысловых доминант, выступающих в роли центров притяжения, вокруг которых разворачивается дискурс (дискурс конкретного политика, дискурс политической проблемы, дискурс политического события и т.п.). Эти доминанты обладают порождающей силой, генерируют дискурс определенной идеологической модальности, определяют направления его развертывания.

Для обозначения способов экспликации смысловых доминант используются термины *ключевое слово, лозунг, слоган, идеологема, мифологема, slogan, catch phrase*. В последнее время этот ряд пополнился термином *narrative (нарратив)*.

В традиционном понимании *нарра-*

тив определяется как текст, описывающий некую последовательность событий; то же, что *история, рассказ, повествование*. Д. Шифрин определяет нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других» [Schiffrin 2006: 321].

Исследователи нарратива в социолингвистике разграничивают повествование как текст и как процесс [Labov 1972; Fairclough 1995, Schiffrin 2006]. В классической работе У.Лабова по структуре устного нарратива рассказывание истории включает не только сюжетные, но и несюжетные элементы, связанные с интерпретацией истории рассказчиком и ее восприятием аудиторией (Labov 1972).

Восьмидесятые годы XX века ознаменовали собой начало «нарративного поворота» в социальных науках, лейтмотивом которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы (Лиотар 1998). Нарративный поворот связан с осознанием важности повествования в человеческой жизни. Не вызывает сомнения значимость нарратива не только в художественной литературе и ораторском искусстве, но в научном дискурсе и в бытовом общении. В обыденной жизни люди часто прибегают к нарративу как к средству придания смысла или осмысления действительности.

Нарратив предстает как своеобразное окно в индивидуальный человеческий опыт (взгляд на мир глазами автора-рассказчика), как особая эпистемологическая форма – окружающая реальность может быть освоена человеком только через повествование, через истории (Ochs and Capps 1996; Троцук 2004). «Нарративы играют роль линз, сквозь которые независимые элементы существования рассматриваются как связанные части целого. Они задают параметры повседневного и определяют правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство» (Розенфельд 2006).

Предложенный в свое время автором для анализа политического дискурса подход к нарративу коррелирует с понятием сверхтекста. Под политическим нарративом понимается совокупность

дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определённого политического события (Шейгал 1998). В качестве политического нарратива-сверхтекста рассматривается избирательная кампания, политический скандал, парламентские дебаты по определенной проблеме. Политическому нарративу-сверхтексту присущи такие характеристики, как общественная значимость сюжета, сюжетная двуплановость (денотативный прототип нарратива и сам нарратив как коммуникативное событие), сочетание первичных и вторичных текстов (дискурс-стимул и дискурс-реакция), множественность повествователей и, в связи с этим, сочетание содержательного единства с множественностью модальных установок.

Термин *нарратив* очень активно фигурирует в американском и британском политическом дискурсе последних лет, причем содержание понятия «нарратив» в современном политическом дискурсе значительно расширилось. Б. Робертс отмечает, что *нарратив* используется в связи с политической биографией и автобиографией, рассказам о политических репрессиях и преследованиях, повествованием из области политической истории, политической аналитикой, системой политических взглядов и др. (Roberts 2002).

Противопоставляя нарратив слогану, Д.Бойл характеризует его как «модное словечко» политического маркетинга (a marketing buzzword), которое в силу своей новизны еще не успело утратить воздействующую силу. Оно возникло в ответ на возрастающее неприятие публикой политического пиара. Хотя политики уделяют много внимания поиску сильных, воздействующих слоганов, но народ выработал против них иммунитет, слоганы утратили свою силу убеждения, стали семантической пустышкой. Люди не доверяют рекламе и слоганам, но к историям они все еще прислушиваются (Boyle 2005).

Д. Бойл справедливо полагает, что важным свойством нарратива является его «объяснительность»: «It provides an explanation for the policies we have, a way of remembering and believing them!». Значимость «объяснительной силы» как конститутивного признака нарратива отмечает также и Дж. Веллеман, который полагает, что его можно в принципе охарак-

теризовать как жанр объяснения. «Нарратив не просто излагает события, но делает их доступными для понимания, систематизирует причинно-следственные связи» (Velleman 2003).

Доступность для понимания обеспечивается тем, что нарратив в каком-то смысле упрощает реальность. Придумывается история, под которую подгоняются реальные факты и события: «We seek to understand the struggle in Iraq by constructing narratives and fitting events into them» (Barone 2006). Благодаря этому нарратив дает возможность осмысления сложных и запутанных политических ситуаций.

Успех того или иного политического лидера объясняется наличием у него внятной и убедительной истории, понятно и приемлемо для избирателей объясняющей его основные цели. Политическое противоборство, особенно в рамках избирательной кампании, это, прежде всего, соперничество историй. Так, «каждый кандидат на участие в президентской гонке 2008 фигурирует в качестве героя хотя бы одного нарратива, завязанного на одну из ключевых проблем нации: Мак-Кейн и сага о благородном воине, Эдвардс и борьба с бедностью, Ромни и права религиозных меньшинств, Джулиани и 11 сентября, Хиллари Клинтон и история американской женщины, Обама и повесть о двух расах» (Carroll 2007).

Партии, перед которыми стоит задача прихода к власти, осознают, что их проблемы в значительной степени связаны с отсутствием внятного нарратива. Так, в аналитике, посвященной Демократической партии США, нередко констатируется потребность в «сильном», впечатляющем нарративе.

«The Democrats **need a compelling narrative of their own**, in particular a populist narrative» (Nunberg 116).

Аналогичную задачу ставят перед собой британские либерал-демократы: «The challenge is clear: **we need to develop our own story** to explain what is going wrong in this country and why we, the Liberal Democrats, are uniquely placed to put things right. Such a story must be capable of attracting voters from all sides of the political spectrum. As a third party, we cannot rely on distaste for Labour and Tories alone to sweep us to power» (Meeting the

Challenge).

Анализ контекстов употребления и выявление спектра значений термина *narrative* в британском и американском политическом дискурсе позволили сделать выводы о структуре, типах и функциях нарратива.

Итак, что представляет собой политический нарратив как текст (дискурсивная единица), в отличие от традиционно понимаемого повествования?

Нарратив можно определить как текст лозунгового типа: он сближается с лозунгом как в формальном, так и в содержательном плане. Нарратив объединяет с лозунгом лапидарность: это не полноценный развернутый текст, а такой же мини-текст, как и лозунг, как правило, заключенный в рамки одного предложения, максимум абзаца. По остроумному замечанию Дж. Нанберга, этот текст выглядят так же как анонс фильма в программе телепередач: *Простодушный трубоч из Вермонта наследует состояние и вынужден бороться с корыстолюбивыми жуликами из городской администрации; Наивный молодой сенатор борется с политической коррупцией* (Nunberg 2006: 203).

В поверхностной структуре нарратив выглядит как содержащий сжатую формулировку сюжета заголовок со структурой полного предложения, как в вышеприведенных примерах, или с номинативной структурой, как в примерах базовых американских историй. По мнению Р. Райха, демократам, для того, чтобы возродить утраченное ими искусство нарратива, необходимо апеллировать к базовым американским мифам и архетипам. Поэтому их нарратив должен основываться на базовых американских историях, к которым автор относит следующие: *Победоносная личность* (*The Triumphant Individual*); *Содружество единомышленников* (*The Benevolent Community* – о том, как соседи, засучив рукава, вместе работают на общее доброе дело) *Толпа у ворот* (*The Mob at the Gates* – США предстает как «маяк добродетели» в мире, которому угрожают силы варваров); *Рыба гниет с головы* (*The Rot at the Top* – о враждебности народу властных элит). (Reich 2005).

В содержательном плане так же, как и слоган, который выражает самое главное, например, в политической про-

грамме кандидата (воплощает суть избирательной кампании), мини-текст нарратива содержит концептуальное ядро, которое может быть развернуто в варианты «большого» текста (аналогично тому, как произведения художественной литературы могут представлять собой варианты одного и того же сюжета).

Однако, если лозунг представляет собой самостоятельный завершённый текст, то лингвистический статус нарратива достаточно неопределённый: это одновременно и сюжет, и заголовок текста, и аннотация, и сам текст, который существует виртуально, как инвариант в дискурсивном сознании социума. Политический нарратив всегда содержит в себе то, что, пользуясь образным выражением И. Сандомирской, можно определить как «нарративное ожидание». В исследовании И. Сандомирской на базе корпуса фразеологизмов деконструируются нарративы, составляющие в совокупности дискурс Родины. Она рассматривает имя (номинацию) как нарративное ожидание, «предчувствие сюжета». Так, топик любви к Родине содержит сюжеты «Перекасти-поле», «Далекий замуж», «Изгнанник Родины», топик долга перед Родиной – истории «Сыновья (и дочери) Родины», «Защитник Родины», «Изменник Родины»; топик величия Родины – истории «Семья народов», «Военная мощь Родины», «Счастливое детство» (Сандомирская 2001).

В зависимости от характера референта можно выделить три типа нарративов: личностный (нарратив политика), идеологический (нарратив-доктрина), событийный (нарратив политических событий и ситуаций).

Личностный нарратив. Этот тип нарратива выполняет презентационную функцию, играет важную роль в создании имиджа политика. Как ни парадоксально, но успешные политики – это, как правило, люди, которые умеют рассказывать истории: «Наилучший способ для политика описать свою позицию, свои убеждения – это передать свои идеи в виде истории. <...> Маргарет Тэтчер считается выдающимся идеологом, но на самом деле она была гением нарратива» (Finkelstein 2007).

А. Дуранти соотносит нарратив политика с дискурсивной стратегией построения нарратива причастности (narrative of

belonging). Последовательность жизненных событий политика представлена таким образом, чтобы продемонстрировать, что его жизненный опыт такой же, как у большинства аудитории, и это позволяет ему морально и эмоционально идентифицироваться со своими избирателями (Duranti 2006).

Кроме того, в данном жанре для политика важно продемонстрировать непрерывность опыта, т.е. обосновать свои политические решения, в том числе решение участвовать в избирательной кампании, как естественное продолжение своего прошлого опыта или опыта предшественников.

Например, сенатор-демократ Б. Обама начал свою избирательную кампанию в столице своего родного штата Иллинойс, что даёт основание СМИ связать его нарратив с историей знаменитого предшественника А. Линкольна. Так же, как и Обама, Линкольн до избрания в Конгресс и впоследствии в Белый дом был членом Генеральной ассамблеи штата; и у него до президентства не было большого политического опыта. Символично, что Обама, сын африканца, начинает свое политическое восхождение рядом с домом человека, который дал свободу африканским рабам.

Личностный нарратив может иметь проспективную и ретроспективную направленность. Проспективный нарратив представляет политика на этапе борьбы за завоевание политических высот. Нарратив в форме биографии (автобиографии) является устоявшимся жанром предвыборного дискурса.

Ретроспективный нарратив создается на финише политической карьеры – это своеобразное подведение итогов, осмысление того, какое место политик оставил в истории. В лингвокогнитивном плане ретроспективный нарратив представляет собой ядро концепта политика как прецедентной личности.

В качестве примера ретроспективного нарратива приведем два варианта нарратива М. Тэтчер: 1) *рассказ об отважном человеке из низов, поднявшемся к высотам власти, чтобы поразить пессимистический истеблишмент и спасти пришедшую в упадок некогда великую нацию* (Finkelstein 2007); 2) *история о победе, одержанной в 1945, затем забытой на три десятилетия все-*

дозволенности, халатности и инфляции и восстановленной при помощи железной воли (Boyle 2005). Несмотря на различие в поверхностной структуре, оба варианта содержат общее концептуальное ядро: экстраординарность личности Тэтчер и масштаб ее вклада в развитие страны.

Идеологический нарратив. Для политической партии нарратив – это, прежде всего, некая идея или комплекс идей, доктрина, лежащая в основе партийной идеологии. Можно сказать, что данный тип нарратива есть партийный манифест: *The Democrats need a manifesto, a 'compelling narrative' of their own.*

Примером идеологического нарратива является концепция американской исключительности (*Exceptional America*). Существует точка зрения, что для того, чтобы иметь успех у избирателей, демократы должны вернуть себе этот нарратив – самый важный в американской политической истории (Kurlantzick 2006). Суть данного нарратива в том, что Америка является не одним среди многих мировых лидеров, но лидером из лидеров – исключительной, высоконравственной и великодушной страной, которая может воодушевлять другие нации. «Европейцы могут приводить примеры аморальных и меркантильных действий во внешней политике США. Однако нарратив исключительности, восходящий к утопической доктрине основателей нации, всегда находит отклик у американцев» (Kurlantzick 2006).

К числу идеологических нарративов, вошедших в фонд прецедентных текстов американской политической культуры, относятся *Утро в Америке* Р. Рейгана и *Сострадательный консерватор* (*Compassionate Conservative*) Дж. У. Буша.

Рейгановский нарратив родился как предвыборная телереклама его второго президентского срока. Реклама под названием «Prouder, Stronger, Better» открывалась словами «И снова в Америке утро»; видеоряд (кадры американцев, идущих на работу) сопровождался рассказом в спокойной оптимистической тональности о подъеме в экономике, связанном с политикой республиканцев.

Нарратив Буша возник вследствие стремления республиканцев привлечь демократически настроенных избирателей. Он представляет собой попытку со-

единить традиционно консервативный подход к экономике (принцип индивидуальной ответственности) и нацеленность на улучшение социального обеспечения, помощи нуждающимся гражданам.

Событийный нарратив. Данный тип нарратива выступает как обоснование определенного политического курса, тех или иных политических акций, как объяснение сложившейся политической ситуации.

Ярким примером событийного нарратива является военный нарратив (*war narrative*) – «связное и непротиворечивое повествование, которое многократно циркулирует в обществе, подготавливая почву к началу военного конфликта» (*Asian News*). Таким образом, создается определенный период «созревания» для того, чтобы физически и психологически подготовить народ к войне

В американской истории военный нарратив всегда играл критическую роль в обеспечении общественной поддержки военных действий. Информационным поводом к возникновению соответствующего нарратива послужило падение форта Самтер – в Гражданской войне, потопление крейсера «Мейн» в Испано-американской войне 1898 г., нападение японцев на Перл-Харбор во II мировой войне.

Для обоснования начала войны с терроризмом после атаки 11 сентября администрация Буша разработала следующий нарратив. *На США напали враги свободы, это была битва Добра со Злом, поэтому насаждение свободы в тылу врага – самый верный способ победить носителей зла. Америка выполнит свою историческую миссию, перенеся военные действия на территорию врага, победит его на поле боя и обеспечит замену деспотических ближневосточных режимов на демократию* (O'Reilly 2006).

Событийный нарратив нередко представляет собой определенную версию политической ситуации или события (версия = вариант изложения/ объяснения).

Этот аспект нарратива, в частности, очень ярко проявился в «нарративе Плейм», связанном с одной из самых скандальных утечек секретной информации из Белого дома. Скандал разразился после того, как в СМИ прошла серия пуб-

ликаций, в которых называлось имя секретного агента ЦРУ Валери Плейм – жены бывшего дипломата Дж. Уилсона. Сразу после этого Уилсон заявил, что это было сделано с целью его дискредитации в наказание за то, что он выступил в СМИ с критикой президентской администрации в искусственном преувеличении угрозы, исходящей от Ирака. Истоки конфликта восходят к 2002 году, когда ЦРУ организовало поездку Уилсона в Нигер для того, чтобы он провел расследование в связи с сообщениями о том, что Ирак пытался купить уран в этой африканской стране. В июле 2003 года Уилсон публично вступил в спор с представителями Белого дома и заявил, что Ирак не занимался покупкой урана.

Развертывание этого нарратива представляет собой поединок двух конкурирующих версий (*competing narratives*) – республиканской и демократической. Стороны обвиняют друг друга во лжи и с большой долей сарказма представляет нарратив другой стороны.

Демократы. По версии республиканцев, рассекретив агента Плейм, высокопоставленные представители администрации президента благородно пытались защититься от несправедливых обвинений в иницировании расследования ЦРУ в Нигере. «На самом деле» это всемогущая Валери Плейм надавила на начальство ЦРУ и потребовала, чтобы в Нигер послали ее мужа. Вся эта история является тщательно спланированным заговором «антивоенного активиста» Уилсона и «группы заговорщиков из ЦРУ» с целью помешать Бушу выступить в поход.

Республиканцы. По версии демократов, Белый дом похоронил доклад Героического Джо-правдолюбца о результатах его расследования в Нигере и вообще отрицал в своей «ручной» прессе существование этого доклада, для того чтобы иметь основание начать военные действия в Ираке.

Контексты употребления термина *narrative* в рамках анализируемого коммуникативного события однозначно позволяют интерпретировать его семантику как «версия»: *Liberals also loved the original narrative in the Plame case: Bush aides persecute whistle blower* (Либералам нравится первоначальная версия в деле Плейм: советники Буша преследуют ра-

зоблачителя). *Any deviation from The Plame Narrative is dismissed as Administration propaganda* (Любое отклонение от основной версии отвергается как президентская пропаганда). *According to Gibson's narrative, the motive behind the Plame outing disclosure was simple* (По версии Гибсона, мотив расклевывания Плейм прост...).

Объяснительность нарратива позволяет ему выступать в качестве инструмента воздействия. Простая и доходчивая история, резонирующая с народными ценностями, формирует в массовом политическом сознании желаемые для политика каузальные фреймы и тем самым создает мотивационную базу для определенного политического поведения. Именно в этом смысле говорят о популистских лозунгах и нарративах.

Суть популистского нарратива можно обобщить как «история о противостоянии слабых и сильных мира сего, история несбывшихся надежд и праведного гнева» [Nunberg 2006: 116]. Это прекрасно понимал Б. Клинтон, построив свою избирательную кампанию 1992г. на апеллирующем к среднему классу нарративе о несправедливости власти по отношению к честным труженикам: *I am tired of seeing people who work hard and play by the rules get the shaft*. Дж. Нанберг подчеркивает, что риторический талант Клинтона заключается в его способности передать людям, что он чувствует не только их боль, но и их гнев [Nunberg 2006: 117].

Иной аспект функции воздействия на политическое поведение масс представляет «нарратив ненависти», в котором политологи видят движущую силу этнических конфликтов.

По мнению С. Кауфмана, истоки межэтнической агрессии коренятся в «мифо-символических комплексах», которые представляют собой не что иное, как мифологизированные нарративы этнокультуры (Kaufman 2006). В этих нарративах воплощается исторический опыт этноса, результатом которого является восприятие определенных этнических групп сквозь призму отношений преследователя и жертвы. Подобного рода нарративы порождают эмоции враждебности, а агрессия, в свою очередь, является следствием этих эмоций.

Рассмотренные функции политического нарратива (идентификация поли-

тика, создание имиджа, воздействие, представление версии события) так или иначе вытекают из его базовой функции – объяснительной, интерпретационной.

Интерпретация действительности всегда носит субъективный характер, поэтому естественно, что в своем семантическом развитии термин *narrative* приобрел коннотацию недоверности. В разных дискурсивных ситуациях градация достоверности варьируется от упрощенного (стереотипного) представления реальности до лжи, несоответствия фактам.

The New York Times apparently unwilling to dig into the story any farther than the good guy/bad guy narrative allows... (Явно не желая копать эту историю глубже, чем это позволяет нарратив уровня «хорошие парни / плохие парни»).

Противопоставление нарратива и правды (*The Narrative vs. The Truth*) подкрепляется утверждением о предвзятости нарратива, тогда как правда связывается с двухпартийным (следовательно, более объективным) изложением событий: *Ideally, someone should hold Mr. Wilson accountable for what his lies have wrought. Instead, he is feted and celebrated as a hero. A movie is in the works about the entire affair – all the better to reinforce The Narrative in the public's mind. And the left will continue to flog the story, positing ever more fantastic conspiracy theories while the truth – contained in two bi-partisan Congressional reports struggles to be seen the light of day.*

Контексты употребления термина *narrative* (и его синонимов) эксплицируют ядерные компоненты его семантики, фиксирующие базовые характеристики нарратива как дискурсивного феномена.

Интерпретативность, объяснительность нарратива: *a story line explaining their basic purpose; a cohesive narrative that the American people can readily understand; the narrative explains the problem; this narrative answers a lot of nagging questions; narratives of the conflict that fail to account for a number of important facts.*

Агональность нарратива как следствие агональности политического дискурса: *the battle of (competing) narratives; a battle for control of the dominant political narrative; the dominant narrative; to challenge the narrative; to present a competing narrative; an effective rival narrative; the*

enemy of the Republican narrative; the narrative can be contested by...; a successful counter-narrative.

Воздействующая сила нарратива: *a compelling / convincing narrative; the pro-war saga that will galvanize a demoralized nation; a narrative that motivated their voters; recognized the power of narrative; used this narrative to great effect; power and status maximization are also consequences of certain narratives.*

Нарратив выступает как объект дискурсивной деятельности, как сознательно конструируемый с определенной целью текст: *to construct/develop a narrative; to spin better narratives than...; to cultivate hate narratives toward...; to test, compare, and refine those narratives.*

В рамках коммуникативного события метафора персонификации представляет нарратив как субъект дискурса в его темпоральной динамике, проходящий определенные этапы своей «дискурсивной» жизни: *emerging narrative; the narrative started to unravel; the narrative stuck; collapse of narrative.*

Подведем итоги сказанного. В современном британском и американском политическом дискурсе термин *narrative*, сохраняя семантические связи с исходным значением «история, повествование», приобретает целый спектр новых значений: «лозунг, концепция, идея, доктрина, объяснение, версия, миф, стереотип».

Политический нарратив представляет собой текст лозунгового типа, содержащий в качестве понятийного ядра ключевые концепты актуального политического дискурса. В отличие от лозунга, за мини-текстом нарратива стоит развернутый текст культуры. Нарратив отличается ясностью и простотой, доступностью для понимания, что делает его мощным инструментом политического воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб., 1998.

Розенфельд И. Дискурс и нарратив (www.cursorinfo.co.il/analyze/2006/03/01/discurs).

Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.

Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН, серия Социология, 2004, № 6-7.

Шейгал Е.И. Политический скандал как нарратив // Языковая личность: социолингвистиче-

ские и эмотивные аспекты. Волгоград, 1998.

Asian News: Bush's 'war on terror' only one in American history without a war narrative // Report from the Asian News International published by Hindustan Times, August 7, 2006.

Barone, M. A New Narrative // U.S. News & World Report. September 18, 2006.

Boyle D. In search of a political narrative //Liberator, August 2005 (<http://david-boyle.co.uk/politics/narrative.html>).

Carroll, C. Candidates' stories tell us what we've become //The Boston Globe, March 5, 2007.

Duranti, A. Narrating the political self in a campaign for U.S.Congress // Language in Society, 2006. Vol. 35. Issue 4.

Fairclough N. Media Discourse. London, 1995.

Finkelstein, D. Mr Blair's final magic trick will begin shortly //The Times (London) February 7, 2007.

Kaufman, S.J. Symbolic Politics or Rational Choice? Testing Theories of Extreme Ethnic Violence // International Security, 2006. Vol. 30, No. 4.

Kurlantzick, J. Exceptional America // Prospect, December 14, 2006.

Labov, William. The Transformation of Experience in Narrative Syntax //Language in the Inner City. Philadelphia, 1972.

Meeting the Challenge //Liberal democrats (www.meetingthechallenge.net/?page_id=25).

Nunberg, G. Talking Right. New York, 2006.

Ochs, E., Capps, L. Narrating the Self // Annual Review of Anthropology. No.25.1996.

O'Reilly, S.D. The Unraveling of Bush's Political Narrative // Intervention Magazine. May, 2006(www.interventionmag.com/cms/index.php?name=News&file=article&sid=1291).

Reich, R. The Lost Art of Democratic Narrative: Story Time //New Republic, March 28, 2005.

Roberts B. Political Activism and Narrative Analysis: The Biographical Template and The Meat Pot //Forum: Qualitative Social Research. Vol. 5, No. 3. September 2004 (<http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-04/04-3-10-e.htm#g3>).

Schiffirin, D. In Other Words: Variation in reference and narrative. Cambridge, 2006.

Velleman J.D. Narrative Explanation //The Philosophical Review, 2003. Vol. 112, No.1.

© Шейгал Е. И., 2007

Щипицына А. А.

Уфа, Россия

СООТНОШЕНИЕ ДЕСКРИПТИВНЫХ И ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-АТРИБУТОВ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

Abstract

The present paper is concerned with the quantitative correlation of descriptive and evaluative adjectives in attributive function and their role in the realisation of the category of evaluation in political discourse in present-day news in British national broadsheets.

Целью настоящего исследования является определение количественного соотношения дескриптивных, обще- и частнооценочных прилагательных-атрибутов в британском политическом дискурсе газетных новостей.

Предлагаемое исследование политического дискурса проводилось на материале дискурса масс-медиа, поскольку, по справедливому замечанию проф. Е.И. Шейгал, в настоящее время масс-медийный дискурс является основным каналом осуществления политической коммуникации [Шейгал 2000: 11]. Выбор материала для исследования был также обусловлен существованием определённой традиции в исследовании политического дискурса на материале текстов масс-медиа (см. работы А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, А.П. Чудинова, Norman Fairclough, Paul Chilton). В рамках настоящей работы под «медиа-текстами» мы понимаем «тексты массовой информации» (Определение Т.Г. Добросклонской [2005: 7]), а политический дискурс СМИ трактуем как комплекс медиа-текстов о политике. Таким образом, мы исходим из того, что текст есть продукт дискурса, и, следовательно, текст может служить основой для изучения особенностей дискурса.

Несмотря на широкое использование новых средств массовой информации, газеты остаются самым главным и уважаемым источником новостей для большинства людей [Graber, McQuail, Norris 1998: 16]. Выбор именно качественной прессы как материала для исследования обусловлен тем, что в настоящей работе поддерживается точка зрения исследователя журналистики С.А. Михайлова, который пишет, что качественная пресса оказывает своё влияние на общество информированностью, аналитичностью, способностью предвидеть будущее, а также может влиять на умонастроения элиты, принимающей важные решения [Михайлов 2004: 337]. В обзоре состояния рынка средств массовой информации Великобритании за 2004г. исследователь Г.А. Голованова указывает на то, что национальные качественные газеты увеличили свой тираж, в то время как тиражи всех массовых («бульварных») газет Великобритании падают [2005: 13-14]. Необходимо также подчеркнуть, что